

23 февраля

Шестьдесят два дня после исчезновения

Ночь, когда все навсегда изменилось, началась с телефонного звонка.

Телефон зазвонил в двадцать два двадцать. Был вечер понедельника, на улице стоял мороз минус восемь, и все тонуло в ледяном тумане. В этот час Флорес лежал в теплой постели под боком у жены и с удовольствием смотрел по телевизору черно-белый фильм про гангстеров. София уже давно заснула, и телефонные звонки ее не тревожили. Она даже не заметила, что муж встал и начал одеваться.

Флорес натянул теплые стеганые брюки, водолазку и плотную зимнюю куртку, чтобы уберечься от проклятого тумана, который стер все очертания, и поспешил в скромную больницу Авешота, где сорок лет из своих шестидесяти двух проработал психиатром. За все время редко случалось, чтобы кто-то поднимал его с постели по срочному вызову, и уж тем более полиция. В маленьком городке в Альпах, где он родился и прожил всю жизнь, после заката, как правило, ничего особенного не случалось. Казалось, в этих краях даже криминальные элементы придерживались размеренного ритма жизни, который диктовал им, что по вечерам положено сидеть

дома. И Флорес ломал себе голову, кому он понадобится в столь необычное время.

Единственная информация, которую ему сообщили по телефону, касалась задержания какого-то человека в связи с ДТП. И больше ничего.

Ближе к вечеру снег прекратился, но стало гораздо холоднее. Флорес вышел из дому, и его со всех сторон окружила какая-то неестественная тишина. Все вокруг застыло в неподвижности. Казалось, даже время остановилось. По телу пробежала дрожь, ничего общего не имевшая с уличным холодом: она шла изнутри. Он завел старенький «ситроен» и подождал, пока не разогреется дизель и можно будет тронуться с места. Звук мотора был ему просто необходим, чтобы разорвать эту давящую тишину.

Асфальт покрылся ледяной коркой, но не по этой причине Флорес двигался не быстрее двадцати километров в час, крепко вцепившись в руль и наклонившись вперед почти к самому ветровому стеклу, чтобы хоть как-то различать контуры проезжей части. Виной всему был туман. По счастью, он настолько хорошо знал эту дорогу, что мозг опережал глаза, подсказывая, куда ехать.

Поднявшись вверх до перекрестка, он поехал по направлению к центру и только тогда начал что-то различать в сплошном «молоке». У него возникло ощущение, что все перед ним как-то замедлилось, как во сне. Вдалеке из белой мглы показались мигающие огни. Казалось, они движутся ему навстречу, но на самом деле это он к ним подъезжал. Из тумана возникла фигура человека. Подъехав еще ближе, Флорес понял, что это полицейский, которого выставили на дороге, чтобы он

предупреждал проезжающие машины ехать осторожно. Психиатр проехал мимо него, и они обменялись беглыми приветствиями. За спиной полицейского обозначилась патрульная машина, мигающая сигнальными огнями, а из кювета светили задние габариты лежащего там темного лимузина.

Вскоре Флорес въехал в пустынный центр городка.

Уличные фонари, как миражи, выплывали из мглы. Он добрался до окраины и оказался у цели. Маленькая больница пребывала в состоянии какого-то странного брожения. Едва Флорес переступил порог, ему навстречу шагнули лейтенант местной полиции и Ребекка Майер, прокурор, — в последнее время эта молодая женщина заставила высоко себя оценить. Она выглядела озабоченной. Пока Флорес снимал куртку, она информировала его о неожиданном ночном госте, произнесла только:

— Фогель.

Услышав это имя, Флорес понял, почему подняли такую тревогу. Настала ночь, которая изменит все и навсегда, но он пока еще этого не знал. Потому и не мог взять в толк, какова его роль в этом деле.

— Что в точности от меня требуется? — спросил он.

— Врачи неотложной помощи говорят, что он в порядке. Но, похоже, он находится в состоянии спутанного сознания. Возможно, это расстройство психики из-за шока от аварии.

— Но вы в этом не уверены, так? — Флорес попал в точку, но Майер не ответила. — Он в состоянии кататонии?

— Нет, он на все реагирует после стимуляции. Но у него резкие перепады настроения.

— И он не помнит, что произошло, — сказал Флорес, завершая анамнез.

— Саму аварию он помнит. Но нас интересует, что именно ей предшествовало. Нам обязательно надо знать, что случилось в этот вечер.

— Значит, по-вашему, он притворяется, — заключил психиатр.

— Боюсь, что да. И здесь в игру должны войти вы, доктор.

— Чего вы от меня ждете, госпожа прокурор?

— У нас нет достаточных оснований, чтобы предъявить ему обвинение, и он это знает. Вы должны сказать мне, в состоянии ли он что-либо понимать и действовать осознанно.

— А если да, что его ожидает?

— Я смогу предъявить ему обвинение и допросить его официально, не опасаясь, что потом какой-нибудь адвокат выразит протест, пользуясь глупой придиркой.

— Но... Вы же сами мне сказали, что авария обошлась без жертв. О каком обвинении тогда идет речь, простите?

Майер ответила, выдержав паузу:

— Вы это поймете, когда его увидите.

Его поместили в амбулаторию. Открыв дверь, Флорес увидел человека, сидящего на одном из маленьких кресел перед столом, заваленным бумагами. На нем было темное кашемировое пальто, сидел он сгорбившись и, казалось, даже не заметил, что кто-то вошел.

Флорес повесил куртку на вешалку и потер закочевшие руки.

— Добрый вечер, — сказал он, подходя к калориферу удостоверить, что тот включен.

На самом деле это был всего лишь предлог, чтобы занять позицию напротив человека и точно определить его состояние, а прежде всего — понять, что же имела в виду Майер.

Под пальто на Фогеле был вполне элегантный темный костюм с дымчато-голубым галстуком с растительным орнаментом, из кармана пиджака выглядывал желтый платок, манжеты белой рубашки украшали золотые овальные запонки. Единственно, что костюм был помят, словно его носили, не снимая, целую неделю.

Не отвечая на приветствие, Фогель на миг поднял на врача глаза. А потом снова устался на сложенные на животе руки.

Психиатр спросил себя, что за странный вираж судьбы вновь усадил их друг напротив друга.

— И давно вы здесь? — начал он.

— А вы?

Его визави сохранял серьезность, а Флорес рассмеялся удачной шутке.

— Да без малого сорок лет, — ответил он.

Со временем амбулатория разжилась мебелью и всякими причиндалами и теперь выглядела тесной. Психиатр отдавал себе отчет, что постороннему взгляду вся эта мешанина может показаться несуразной.

— Видите вон тот старый диван? Он достался мне в наследство от предшественника, а вот стол я выбирал сам.

На столе стояли фотографии родных Флореса в рамках.

Фогель взял одну из них и теперь разглядывал, держа в руках. На ней Флорес и все его многочисленное семейство были сняты летом в саду за барбекю.

— Прекрасная семья, — бегло заметил Фогель.

— Трое сыновей и одиннадцать внуков.

Флорес очень любил эту фотографию.

Фогель поставил фото на место и принялся оглядываться вокруг. На стенах, кроме диплома, похвальных и благодарственных грамот и рисунков, подаренных внуками, красовались трофеи, которыми Флорес особенно гордился.

Он занимался спортивной рыбалкой, и на стенах образовалась целая выставка чучел особенно интересных рыб.

— Когда есть возможность, я все бросаю и отправляюсь на какое-нибудь озеро или на горную речку, — сказал Флорес, — и таким образом вхожу в согласие с мирозданием.

В углу стоял шкаф, где разместились удочки, крючки, блесны, лески и все, что необходимо для рыбалки. Со временем комната совсем перестала походить на амбулаторию. Это была его нора, его личное пространство, и ему становилось грустно при мысли о том, что через несколько месяцев он выйдет на пенсию и придется очистить территорию и вывезти все свои вещи.

Эти стены могли бы поведать столько историй, а теперь к ним присоединится еще и история о неожиданном визите поздним вечером.

— Все еще не могу поверить, что вы здесь, — слегка смущенно заметил психиатр. — Мы с женой столько раз видели вас по телевизору. Вы ведь знаменитость.

Его собеседник вяло кивнул. Либо он действительно впал в состояние спутанного сознания, либо был превосходным актером.

— Вы уверены, что чувствуете себя хорошо?

— Я в порядке, — подтвердил Фогель еле слышно.

Флорес отошел от калорифера и уселся за стол в кресло, которое за все эти годы приобрело форму его тела.

— Знаете что, а вы ведь везунчик. Я только что проезжал мимо места аварии: слава богу, что она произошла с правильной стороны дороги. Кювет, конечно, глубокий, но с другой-то стороны обрыв.

— Туман, — заметил гость.

— Да уж... — согласился Флорес. — Такой морозный туман увидишь нечасто. Я добирался минут двадцать, хотя обычно хватает десяти.

Он положил руки на подлокотники кресла и откинулся на спинку.

— Мы ведь еще не представились друг другу. Я доктор Августе Флорес. Скажите, а мне как вас называть? Спецагент¹ или господин Фогель?

Тот на секунду задумался.

— Решайте сами.

— Я полагаю, что полицейский не теряет званий и регалий, даже когда перестает заниматься своим ремеслом. А потому для меня вы остаетесь спецагентом Фогелем.

— Ну, если вы так предпочитаете...

В мозгу Флореса теснились десятки вопросов, но он знал, что надо выбрать те единственно правильные, с которых можно начать.

— Сказать по правде, я не ожидал еще раз увидеть вас в наших краях. Я думал, что после всего, что произошло, вы спустились вниз, в город. Почему вы вернулись?

¹ В полиции Италии спецагент — старший следователь в группе. Рангом он выше простого полицейского, но ниже инспектора полиции, хотя в определенных условиях (а в романе условия именно таковы) имеет право выполнять функции инспектора. (Здесь и далее примеч. перев.)

Спецагент Фогель медленно провел руками по брюкам, словно отряхивая несуществующую пыль.

— Не знаю...

Больше он ничего не прибавил, и Флорес ограничился кивком.

— Понимаю. Вы приехали один?

— Да, — ответил Фогель, и по его тону можно было догадаться, что ему непонятен смысл вопроса. — Да, я один.

— Может быть, ваш приезд как-то связан с историей пропавшей девочки? — попытался расшевелить его Флорес. — Хотя, насколько я помню, у вас больше нет полномочий в этом деле.

Эти слова, видимо, что-то пробудили в его собеседнике, и он резким движением выпрямился в кресле. Флоресу это показалось проявлением оскорбленной гордости.

— Можно узнать, на каком основании меня задержали? — сухо бросил Фогель. — Что от меня нужно полиции? Почему я не могу уехать?

Флорес постарался призвать на помощь все свое легендарное терпение, уже вошедшее в пословицу.

— Спецагент Фогель, нынче вечером вы попали в аварию.

— Я тоже это знаю, — сердито отозвался тот.

— И вы ехали один? Это точно?

— Я только что вам сказал.

Флорес выдвинул один из ящиков стола, достал маленькое зеркало и поставил его перед Фогелем, который, похоже, не обратил на это никакого внимания.

— И никаких последствий. Вы не пострадали.

— Сколько раз вам можно повторять, что я прекрасно себя чувствую?

Психиатр подался к нему всем телом:

— Тогда объясните, пожалуйста, одну вещь... Если вы целы и невредимы, то кому принадлежит кровь на вашей одежде?

Фогель вдруг не нашелся что ответить. Весь его гнев тут же испарился, а глаза заглянули в зеркало, которое поставил перед ним Флорес.

И только теперь он их увидел.

Маленькие капельки крови на манжетах белой рубашки. Два пятна побольше на животе. И еще несколько пятен потемнее, которые сливались по цвету с костюмом и пальто, но были более густой консистенции, и их окружали более светлые разводы. Спецагент словно увидел их впервые, хотя в глубине души отдавал себе отчет в их существовании, Флорес это понял сразу. Фогель не выказал удивления и не принялся утверждать, что не знает, откуда они взялись.

В его глазах появился какой-то новый свет, и спутанное состояние сознания стало рассеиваться, как рассеивается туман. А густой белый туман за окном оставался все тем же.

Ночь, изменившая все и навсегда, потихоньку началась. Фогель абсолютно ясным взглядом посмотрел Флоресу прямо в глаза.

— Вы правы, — сказал он. — Думаю, следует дать объяснение.

25 декабря **Два дня после исчезновения**

Еловый лес решительно устремлялся вниз с горных склонов, словно деревья получили приказ срочно занять долину. Долина была длинная и узкая, как старый шрам, а в середине текла река с ярко-зеленой водой, менявшей цвет от нежно-зеленого до ядовито-болотного.

Авешот, альпийское местечко в нескольких километрах от границы, располагался как раз в центре этой декорации. Дома с покатыми крышами, церковь с колокольней, муниципалитет, полицейское отделение, маленькая больница. Школьный комплекс, несколько баров и каток.

Леса, горная долина, река, поселок. И чудовищного вида здание горнопромышленного управления, чужеродное пятно, никак не вяжущееся ни с прошлым этих мест, ни с их природой.

Неподалеку от центра, у шоссе, располагался небольшой ресторанчик.

Из его окон были видны дорога и бензоколонка, а неподалеку ярко светилась надпись: *«Счастливых праздников!»* — предназначенная для проезжавших мимо автомобилей. На той стороне вывески, что была обращена к поселку, буквы шли в обратном направлении,

и в результате получались какие-то загадочные иероглифы.

В ресторане было три десятка столиков из голубого пластика, некоторые стояли в сторонке у стены. Все были готовы и сервированы, но занят всего один, в центре.

За этим столиком в одиночестве поглощал завтрак спецгент Фогель. Завтрак состоял из яиц и копченого куриного филе. На Фогеле был темно-серый костюм с мутно-зеленым жилетом и темно-синим галстуком. Кашемировое пальто он не снял, даже садясь за стол. Он сидел, выпрямившись и устремив глаза в черную записную книжку, куда вносил какие-то заметки изящной серебряной авторучкой. Время от времени он клал ручку на стол, чтобы взять вилку и отправить в рот очередной кусок. Каждое его движение было тщательно выверено, сообразуясь с каким-то внутренним ритмом.

Хозяин ресторана, старик в засаленном фартуке и красной клетчатой рубашке с закатанными до локтя рукавами, выбрался из-за стойки, чтобы принести свежесваренный кофе.

— Ну, вы подумайте только, я ведь сегодня вообще не собирался открываться. Мне говорили: «Ну кто поедет сюда в утро Рождества?» А ведь еще несколько лет назад здесь было полно туристов, семей с ребятишками... А как нашли это светящееся дерьмо, все сразу переменялось.

Он произнес эту фразу так, словно оплакивал далекие счастливые времена, которые никогда уже не вернуться.

До последних лет жизнь в Авешоте шла спокойно и безмятежно. Жители пробавлялись мелкими ремеслами и туризмом. Но в один прекрасный день здесь появился

какой-то чужак и заявил, что в недрах гор может скрываться месторождение флюорита — плавикового шпата.

«А ведь верно, старик прав, — подумал Фогель, — с той поры все переменялось». Пришла международная компания и скупила все концессии в районе месторождения, щедро заплатив владельцам. Многие за одну ночь стали богачами. А те, кому не повезло владеть земельными участками в этих местах, обеднели, поскольку сюда перестали приезжать туристы.

— Может, и мне надо было решиться продать заведение и уехать, — продолжил старик, качая головой и наливая Фогелю кофе, хотя тот его и не заказывал.

Когда я увидел, как вы входите, я сперва решил, что вы один из тех торговцев, что то и дело пытаются всучить свой грошовый товар... А потом я понял. Вы ведь здесь из-за той девочки, верно?

И он мотнул головой в сторону листка, приклеенного к стене рядом со входом. Там, улыбаясь, с фотографии глядела рыженькая девочка с веснушками. И имя: Анна Лу, а под ним надпись: «Может, ты меня видел?» — номер телефона и несколько строчек текста.

Фогель заметил, что старик норовит заглянуть в его черную записную книжку, и прикрыл ее рукой. Положив вилку на тарелку, он спросил:

— Вы ее знаете?

— Я знаю всю семью. Замечательные люди.

Старик вытащил из-под столика стул и уселся напротив Фогеля:

— Как вы думаете, что с ней стряслось?

Фогель оперся подбородком на сложенные руки. Сколько же раз ему задавали этот вопрос... Один и тот же вопрос. Такие вопросы задают, изо всех сил стараясь

проявить сочувствие, но в конечном итоге за ними стоит всего лишь любопытство. Болезненное, мохнатое, безжалостное любопытство.

— Двадцать четыре, — сказал он.

Хозяин ресторана явно не понял ответа, но Фогель пресек попытку попросить разъяснений:

— В среднем сбежавшие из дома подростки выдерживают с выключенными мобильниками двадцать четыре часа. Потом они, хочешь не хочешь, вынуждены позвонить друзьям и поинтересоваться, говорят ли про них в Интернете, и таким образом себя обнаруживают. Большинство возвращаются домой примерно через сорок восемь часов. Если не происходит никаких опасных встреч или событий, то можно утверждать, что к концу второго дня после исчезновения есть реальная вероятность, что все кончится благополучно.

Хозяин ресторана на миг смутился:

— А что происходит потом?

— А потом обычно вызывают меня.

Спецагент встал, порылся в кармане и положил на стол банкноту в двадцать евро, плату за завтрак. Потом направился к выходу, но у порога остановился и обернулся к старику:

— Послушайте меня: не продавайте ресторан. Скоро здесь снова будет полно народу.

На улице стоял холод, но небо было чистое, и светило яркое зимнее солнце. По шоссе то и дело проносились грузовики, и полы пальто Фогеля шевелило ветром. Спецагент неподвижно стоял на площадке перед рестораном у бензоколонки, засунув руки в карманы, и смотрел куда-то вверх.

Тут у него за спиной появился голубоглазый парень лет тридцати, тоже в костюме, при галстукe и в пальто, только не в кашемировом. Его светлые волосы были разделены пробором.

— Здравствуйте, — сказал он, но его приветствие осталось без ответа. — Я агент Борги, — продолжал парень, — мне велели вас встретить.

Фогель не удостоил его вниманием, по-прежнему глядя в небо.

— Брифинг начнется через полчаса. Как вы и хотели, все в сборе.

Борги подался вперед и понял, что старший по званию рассматривает что-то над площадкой возле счетчика бензоколонки. Там виднелась камера слежения, направленная на шоссе.

Фогель наконец-то повернулся к парню:

— Это единственная дорога в долину?

Борги ответил почти сразу:

— Да, синьор Фогель. По-другому в долину ни въехать, ни выехать: шоссе пересекает ее из конца в конец.

— Прекрасно, — сказал Фогель. — Тогда отвезите меня на тот конец.

Спецагент быстрым шагом направился к темному автомобилю, на котором приехал Борги. Тот, секунду поколебавшись, пошел за ним.

Несколько минут спустя они уже въезжали на мост, который, изогнувшись над рекой, вел в долину. Молодой полицейский дождался на обочине у машины, а Фогель, встав посреди шоссе, снова занялся изучением камеры слежения. На этот раз она была закреплена на

шесте сбоку от дорожного полотна. Проезжающие мимо машины возмущенно гудели, но Фогель, не отвлекаясь, бесстрашно делал свое дело. Как бы то ни было, для Борги такой поворот событий был не только непонятен, но и представлял собой некоторый парадокс.

Вдоволь насмотревшись на камеру, спецгент вернулся к автомобилю.

— Давайте заедем к родителям девочки, — сказал он и, не дожидаясь ответа, залез в машину.

Борги посмотрел на часы и покорно сел за руль.

— С Анной Лу у нас не было проблем, — уверенно заявила Мария Кастнер, мать девочки.

От этой маленькой хрупкой женщины исходила недюжинная сила. Когда полицейские зашли в двухэтажный дом, где обитала семья девочки, Мария Кастнер сидела на диване рядом с мужем. Оба были еще в пижамах и в домашних халатах и держались за руки.

В доме стоял сладковатый запах готовящейся на кухне еды и дезодоранта для помещений, а Фогель этого запаха не выносил. Спецгент уселся в кресло, Борги устроился в сторонке на стуле.

От супружеской пары их отделял столик с двумя чашками кофе, к которым никто так и не притронулся, и они быстро остывали.

В комнате стояла украшенная елка, а под ней двое близнецов лет семи играли с только что распечатанными подарками.

Один пакет с красивым красным бантом остался лежать под елкой.

Женщина на миг перехватила взгляд Фогеля.

— Мы хотели, чтобы дети все-таки отпраздновали Рождество. К тому же это их немного отвлекло от создавшейся ситуации, — словно оправдываясь, произнесла она.

«Ситуация» заключалась в том, что их старшая дочь, шестнадцати лет, пропала уже почти два дня назад. Она вышла из дому около пяти вечера, чтобы не опоздать на встречу в церкви, что находилась в трехстах метрах от дома.

В церкви она так и не появилась.

Анна Лу прошла через жилой квартал с одинаковыми домами — небольшими виллами на одну семью, окруженными садиками, — где все друг друга знали.

Но никто ничего не видел и не слышал.

Тревогу подняли около семи вечера, когда она не вернулась домой. Мать несколько раз пыталась до нее дозвониться, но мобильник девочки оказался выключен. За эти два долгих часа с ней могло случиться все, что угодно. Ее искали весь вечер, но потом здравый смысл подсказал, что надо подождать до утра и продолжить поиски, когда рассветет. К тому же полиция не располагала ресурсами для тщательного осмотра территории.

Относительно причины исчезновения пока не было ни одной гипотезы.

Фогель молча разглядывал родителей девочки, у которых от ночей, проведенных без сна, запали глаза. Пройдет еще несколько недель, и бессонница и нервное истощение их быстро состарят, но сейчас для них все только начиналось.

— Наша девочка всегда была ответственным ребенком, с самого детства, — говорила мать. — Ну, как бы это сказать... Нам никогда не приходилось ею занимать-

ся, она выросла сама по себе. Она помогает по дому, возится с братьями. Учителя в школе ею довольны. Недавно ей поручили в общине обучать детей катехизису.

Жилище Кастнеров выглядело очень скромно. Войдя, Фогель сразу заметил, что здесь много предметов, свидетельствующих о глубокой вере. По стенам развешены изображения святых и сцены из Библии и Евангелия, и повсюду — в картинах, в пластиковых и гипсовых статуэтках — царил Иисус, однако изображений Девы Марии тоже хватало. Словом, дом представлял собой настоящий католический калейдоскоп, а над телевизором висело распятие.

На стенах попадались и семейные фото, и со многих смотрела рыжеволосая девочка с веснушками. Анна Лу была точной копией отца.

На всех фотографиях она улыбалась. В день первого причастия, в горах с братьями, на катке с коньками через плечо, с гордостью подняв вверх медаль за победу в соревнованиях.

Фогель знал, что и эта комната, и эти стены, да и весь дом уже не будут прежними. Они наполнены воспоминаниями, которые очень быстро начнут причинять боль.

— Пока наша девочка не вернется домой, мы не станем разбирать елку, — сказала Мария Кастнер почти с гордостью. — Она будет зажжена, чтобы ее хорошо было видно из окна.

Фогель подумал об абсурдности этой затеи. Пройдут месяцы, а рождественская елка все будет указывать путь домой той, которая, быть может, никогда уже не вернется. Риск именно такого поворота событий был очень велик, вот только родители Анны Лу пока не от-

давали себе в этом отчета. И праздничный свет елочных гирлянд станет знаком, напоминающим всем о том, какая драма разыгралась в этом доме. И родственники, и просто прохожие уже не смогут не обращать внимания на елку. Более того, со временем она начнет всех раздражать. Проходя мимо дома Кастнеров, все будут переходить на другую сторону, чтобы не видеть этого света. Елка только отдалит Кастнеров от соседей, и они станут еще более одинокими. Ибо, чтобы жить дальше и идти своей дорогой по жизни, надо платить пошлину: научиться отстраняться, стать безучастными, припомнилось Фогелю.

— Говорят, в шестнадцать лет случается, что дети бунтуют и совершают невысказанные поступки, и это считается нормальным, — снова заговорила Мария и покачала головой, — но все это не относится к моей девочке.

Фогель кивнул. Не имея тому никаких доказательств, он был с ней согласен. Он не просто проникся мыслями и чувствами матери, которая, прежде всего, хотела утвердиться в материнской роли и клялась в душевной чистоте и неподкупности своей дочери. Спецагент действительно был уверен, что она абсолютно права. Эту уверенность вселяло девичье личико, с улыбкой глядевшее на него со стен. Было в этом лице что-то по-детски простое и искреннее, и сама собой приходила мысль, что девочка явно исчезла не по своей воле. Скорее всего, к ней применили силу.

— Мы с ней были близки, она очень похожа на меня. Вот это она сделала специально для меня и подарила мне неделю тому назад.

Мария протянула полицейскому руку, на которой красовался браслет из разноцветных бусинок.